

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ИСТОРИЯ,
АРХЕОЛОГИЯ
И ЭТНОГРАФИЯ
СРЕДНЕЙ АЗИИ

Отдельный оттиск

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1968

О РОЛИ ЭТНИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ В СЛОЖЕНИИ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ ТУРКМЕН

Г. П. Васильева

Свадебная обрядность, как известно, складывалась в период перехода от матриархата к патриархату, в период разложения парной и становления моногамной семьи¹, и поэтому ряд моментов свадебной церемонии, сохранившихся у некоторых народов до наших дней, отражает более раннюю форму семьи, матрилокальное или дислокальное поселение и ведущую роль родственников по материнской линии.

По мере развития общества, упрочения патриархата и роста социального расслоения патриархальные порядки вытесняли многие элементы самого матриархального строя, прежнего матрилокального поселения, отразившись, естественно, и на характере свадебной обрядности, утерявшей свои первоначальные черты, сохранившиеся лишь в виде пережитков.

На сложение свадебного обряда того или иного народа влияли не только социально-экономические, но и этнические факторы. В процессе этногенеза сливались друг с другом различные этнические группы, у каждой из которых были свои формы свадебной обрядности. Брачные обычаи народа, сложившегося в результате этого влияния, приобретали новые черты, находящиеся в зависимости от степени «концентрации» определенного этноса.

У народов Средней Азии и Казахстана, где до самой Великой Октябрьской социалистической революции ведущим укладом были патриархально-феодалные отношения, брак был патриархальным. В ряде районов здесь господствовала малая патриархальная семья, и даже там, где основной ячейкой стала малая индивидуальная семья, она все же стойко удерживала патриархальные традиции. Однако свадебная обрядность большинства среднеазиатских народов — таджиков, узбеков, киргизов, каракалпаков и других, а также казахов (т. е. и земледельцев и скотоводов) до последнего времени сохраняла многие пережитки матриархата².

Основные моменты их свадебного цикла — помолвка, после которой у некоторых народов жениху и невесте фактически разрешалась супружеская жизнь, собственно свадебное торжество и заключение брачного контракта — проходили в доме родителей невесты³; свадебный цикл заканчивался праздником в доме мужа после переезда молодой в его дом и посещением молодыми через несколько дней дома родителей жены. Такой свадебный цикл отражал более древнюю форму свадебной обрядности.

От всех народов Средней Азии в этом отношении отличались туркмены, у которых существовал брачный обряд более развитого типа: основные моменты его отражали прочно установившиеся патриархальные порядки.

¹ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, стр. 120.

² См., например, Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков. Тр. ИЭ АН СССР, н. с., т. XLIV. М.—Л., 1959; он же. Некоторые брачные церемонии у народов Средней Азии и проблема материнского рода. Доклад на VII МКАЭН. М., 1964; Н. П. Лобачева. Свадебный обряд хорезмских узбеков. КСИЭ, вып. XXXIV, 1960; Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. ТХЭ, т. I. М., 1952.

³ В ряде местностей Хорезма заключение брачного контракта проходило в доме родителей жениха после привоза невесты. См. Н. П. Лобачева. Указ. соч., стр. 42.

Обрядовые действия, происходящие у других народов в доме родителей невесты в период от сватовства до начала свадебного торжества — помолвка (обручение), посещение женихом невесты, а в некоторых местах и начало супружеской жизни, наконец, собственно свадьба, всегда начинающаяся в доме родителей невесты, — у наиболее крупных туркменских племен отсутствуют. Основными моментами их свадебного цикла, определяющими его характер, являются сватовство (гудачылык) и следующее за ним посещение дома невесты родственниками жениха для сговора о величине калыма и приданого, собственно свадебное торжество (той, ника той) — центральный момент всего цикла, который проводится только в доме жениха до и после привоза невесты; наконец, возвращение молодой в дом своих родителей (кайтарма) на более или менее продолжительный срок.

Таким образом, центральный момент свадебных торжеств у туркмен перенесен в дом родителей жениха. Следует отметить, что участие родственников невесты в свадебном тое у туркмен, как мы пытаемся показать ниже, также более ограничено, чем у других народов Средней Азии. И тем не менее, несмотря на эту большую патриархальность брачных церемоний, многие моменты их свадебного цикла (и прежде всего кайтарма) являются яркими пережитками былой матриликальности или дислокальности брака.

Принято считать, что в скотоводческих обществах в отличие от земледельческих патриархальные порядки выражены значительно ярче, поскольку скотоводство благоприятствовало развитию патриархата, будучи еще в первобытном обществе наиболее высокопроизводительной отраслью хозяйства⁴. Наиболее простым объяснением своеобразия исследуемых обычаев туркмен и была бы, вероятно, ссылка на то, что в жизни многих туркменских племен в некоторые периоды их истории основную роль играло скотоводство. Но даже поверхностное знакомство с брачными церемониями скотоводческих народов Центральной, Передней и Средней Азии убеждает нас в обратном: основные свадебные церемонии у этих народов, так же как у казахов и киргизов, проводятся в доме родителей невесты⁵.

Следовательно, в наличии развитых форм свадьбы у туркмен, видимо, сыграло роль не указанное выше обстоятельство, а какие-то другие факторы, которые и обусловили своеобразие их брачных церемоний. Одним из таких факторов был, как мы полагаем, фактор этнический.

Следует отметить, что свадебный обряд туркмен, в основных чертах общий для всего народа, не был совершенно одинаковым у всех племен: их свадебные церемонии иногда значительно отличались друг от друга и были близки к обрядам соседних, а иногда и довольно далеко живущих народов, указывая на этнические связи между ними. Так, свадебная обрядность ряда туркменских племен, живущих на окраинах территории Туркмении, отличалась своеобразными чертами, сближавшими ее со свадебной обрядностью соседних народов — узбеков, таджиков и других, и сохраняла больше архаических элементов.

С другой стороны, в исследуемых обрядах туркмен можно проследить ряд аналогий с брачными обычаями азербайджанцев, туркмен Турции и собственно турок. И, наконец, у некоторых племен мы находим элементы обрядности, характерные для казахов и некоторых полукочевых узбеков.

⁴ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры, стр. 116.

⁵ А. А. Диваев. О свадебном ритуале киргизов Сыр-Дарьинской области. Казань, 1900; Р. Карутц. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910, стр. 106—107; Народы Восточной Азии. М., 1966, стр. 765; С. П. Балдаев. Бурятские свадебные обряды. Улан-Уде, 1959; Народы Передней Азии. М., 1957, стр. 399—400 и др.

В настоящее время мы имеем достаточно материала для того, чтобы проанализировать свадебный цикл большинства туркменских племен на всей территории их расселения.

Изучением брачных церемоний различных этнических групп туркмен — текинцев, иомутов, салыров, сарыков, гокленов и ряда небольших прикошетагских племен — занимались многие этнографы-туркменоведы⁶, и большинство из этих исследований уже опубликовано⁷; по ряду туркменских групп средней и нижней Аму-Дарьи привлечены полевые материалы автора и других исследователей⁸. Таким образом, создается достаточно полная картина традиционных свадебных обычаев туркмен.

У большинства туркменских племен подыскивать невесту для сына начинали, когда юноше исполнялось 16—18 лет, однако для ряда племен (салоры, марыйские текинцы) и особенно для живших на средней Аму-Дарье (эрсари, баятов, алам и др.) был характерен также сговор малолетних.

Сватами являлись почтенные старики аула и кто-нибудь из близких родственников жениха, часто даже его отец (у арабачей, салоров) или мать (у чоудоров, сарыков, иногда у хорезмских иомутов). В тех случаях, когда близкие родственники жениха не участвовали в посещении дома невесты в первый раз, они приходили туда через несколько дней, чтобы решить вопрос о размере калыма, сроке его уплаты и дне свадьбы. Обычно, если жених и невеста уже достигали брачного возраста (девушку считали зрелой уже с 12 лет), свадьбу устраивали в период от 10—15 дней до одного года и более со времени сватовства.

У ряда туркменских племен (гоклены, мурчали, нохурли, крачли — подразделение приамударьинских салыров) исследователями зафиксирован еще один интересный момент — смотрины невесты, в которых обычно участвуют только женщины — родственницы жениха.

Со времени сватовства и до дня свадьбы, о котором договаривались при одном из посещений дома невесты (чоудоры, мурчали, сарыки и др.) или на специальном совете (геңеш той) с участием уважаемых людей аула (марыйские текинцы, гоклены, иомуты), между домами жениха и невесты устанавливались более или менее регулярные посещения с непременными угощениями и подарками. Встречи жениха с невестой в этот период у всех туркмен обычно возбранялись. У сарыков спрашивали согласия

⁶ Дореволюционные авторы так же, как и советские исследователи довоенного периода, не занимались специально изучением свадебных обрядов; в их работах встречаются более или менее полные сведения о брачных порядках туркмен, по которым можно составить лишь общее представление о туркменском свадебном обряде. Некоторые из работ этих авторов будут привлечены нами в соответствующих местах.

⁷ Ш. Аннаклычев. Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага. Ашхабад, 1961; Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли. Тр. ИЭ АН СССР, н. с., т. XXI, 1954; А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря (историко-этнографический очерк). Ашхабад, 1961; он же. Свадебные обряды у туркмен-салыров в конце XIX—начале XX в. ТИИАЭ АН Туркменской ССР, т. VII. Ашхабад, 1963; К. Овезбердыев. Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса. ТИИАЭ АН Туркменской ССР, т. VI, 1962; он же. Семейные отношения у туркмен Мервского оазиса в конце XIX—начале XX в. Исследования по этнографии туркмен. Ашхабад, 1965; Д. М. Овезов. Туркмены-мурчали. ТЮТАКЭ, т. IX. Ашхабад, 1959; он же. Свадебные обряды туркмен долин рек Сумбара и Чандыра в конце XIX—начале XX в. Изв. АН Туркменской ССР. (Серия общественных наук), вып. 6. Ашхабад, 1964.

⁸ Свадебная обрядность туркмен-чоудоров исследовалась К. Нияклычевым; по правобережным туркменам-ата нами привлекались полевые записи Н. П. Лобачевой. За разрешение использовать указанные материалы автор приносит им глубокую благодарность. Ряд полевых записей по свадьбе был сделан у туркмен средней Аму-Дарьи А. Джикиевым и Ш. Аннаклычевым в 1954 г., эти полевые записи хранятся в архиве Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР; наши полевые материалы 1948, 1951, 1954, 1959—1963 гг. содержат описание свадебных обрядов хорезмских иомутов, шихов, емрели, карадашлы, ата, арабачи, крачли, баятов и хыдыр-элинцев.

девушки на брак, и если она не знала юноши, то он должен был показаться ей.

У значительной части туркменских племен до свадьбы не требовалось полной выплаты калыма, и обычно родители невесты ограничивались получением половины суммы, но у салыров, чоудоров, ставропольских туркмен и сарыков калым, как правило, выплачивался полностью до свадебных торжеств.

Собственно свадьба-торжество по случаю перевоза невесты в дом жениха, начала супружеской жизни и мусульманского оформления брака — кульминационный пункт всего свадебного цикла туркмен. Она происходила в один из заранее назначенных «счастливых» дней (сэхетли гүн) в доме родителей жениха. Торжества по поводу женитьбы сына длились от двух до семи дней в зависимости от состояния родителей. Богатые туркмены приглашали обычно не только близких родственников и односельчан, но и гостей издалека, и устраивали различные увеселения: состязания в мастерстве певцов (бахши), соревнования по стрельбе в цель, борьбу (гөреш), конные скачки (атчапыш) и т. д.⁹

Подобным же образом проходили свадебные торжества у азербайджанцев, туркмен Турции, ставропольских туркмен и турок. Они продолжались в течение семи дней и сопровождались различными увеселениями¹⁰. У ставропольских туркмен так же, как и у чоудоров, по материалам К. Ниязклычева, этот праздник не обходился без пения отрывков из «Кор оглы», а иногда и всего эпоса¹¹.

Свадьба начиналась с утра, когда в дом родителей жениха собирались гости. Такой порядок, как мы уже говорили, был характерен для всех туркменских племен, кроме ряда приамударьинских, у которых основные свадебные торжества проходили в доме родителей невесты. Свадебный поезд (гелиналыжы, гудолар/чоуд./) отправлялся за невестой рано утром или после полудня, в зависимости от расстояния между домами брачующихся, с таким расчетом, чтобы успеть привезти невесту дотемна. У большинства туркмен свадебный поезд, состоявший из женщин, едущих на нескольких верблюдах¹² (у салоров 10—12 верблюдов), сопровождали мужчины верхом на конях (атбашчи). На одном из верблюдов устраивали «кеджебе» (свадебная палатка)¹³, в котором ехала «еңце»¹⁴ — обычно жена старшего брата, а у некоторых племен (арабачи, ата, чоудоры, ставропольские туркмены) — сестра отца.

⁹ М. Алиханов - Аварский. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1883, стр. 42—43.

¹⁰ М. Атакишева. Семейный быт азербайджанцев в прошлом и настоящем. М., 1953 (рукопись хранится в архиве Института этнографии, фонд диссертаций д. 8, стр. 107—109); В. А. Гордлевский. Османская свадьба. «Этнографическое обозрение», 1914, № 3—4; С. В. Фарфоровский. Туркмены (трухмены) Ставропольской губернии. Казань, 1911, стр. 37—40.

¹¹ С. В. Фарфоровский. Указ. соч.

¹² У ставропольских туркмен, иногда у хорезмских помут, чоудоров и ата свадебный поезд отправлялся на арбах, но нохурли и туркмены Турции перевозили невесту на лошадях, а огурджали — зачастую на лодках, на одной из которых устраивалось кеджебе.

¹³ У туркмен XVI—XVII вв., по «Кор оглы», невесту также перевозили в кеджебе. «Героглы». Ашгабад, 1958 (на туркменском языке), стр. 303—304.

¹⁴ Еңце (еңце) — неотъемлемый персонаж свадебного обряда, зафиксированный не только у туркмен, но и у других народов. Это имя носит женщина, сопровождающая невесту в дом будущего мужа и находящаяся там с нею в течение нескольких дней. Присутствие еңце в доме, чужом для невесты, делало ее представительницей рода, из которого невеста навсегда уходила. И в то же время еңце — жена двоюродного или родного брата невесты или сестра ее отца — при дуальной экзогамии происходила из того рода, в который уходила невеста, и поэтому не была чужой здесь. Когда имелась и вторая еңце (йигитенце — еңце жениха), она была также представительницей рода, в который вступала невеста. Находясь вместе с молодой в течение трех дней, она как бы вводила молодую в чужой для нее род.

Жених ни у кого, кроме сарыков, в свадебном поезде не участвовал. Невесту в день свадьбы или накануне вечером переводили в дом родственников, как правило дяди, или соседей. Этот обычай соблюдался строго у всех туркмен; лишь у нохурли, ата, сарыков и некоторых других невеста из дома родителей не уходила.

Свадебный поезд останавливался у дома ее родителей, где собирались родственники девушки. Прибывших угощали, а затем женщины из родственных жениха, получив разрешение родителей невесты, отправлялись в другой дом за девушкой. Здесь происходила шуточная борьба (далаш) между родственницами девушки и женщинами за гелинальджи. Иногда эта борьба перерастала в серьезную потасовку (мургабские текинцы, салыры). Приехавшие за невестой старались набросить ей на голову женский халат (башдон, курте и др.), а девушки и женщины, окружавшие ее, не разрешали. У туркмен огурджали далаш происходил между өвене и йигитене¹⁵.

У чоудоров борьба не инсценировалась: право на увоз девушки покупалось. Однако выкуп за право увезти девушку после далаша платили и мургабские текинцы и салыры.

После этого невесту приводили к дому ее родителей и там сажали в кеджебе.

Хорезмские иомуты, мургабские текинцы и чоудоры девушку приносили к кеджебе на ковре или паласе, причем у последних ее должен был принести родной брат. Туркмены-огурджали невесту в кеджебе сажали сразу у дома, где она находилась, а затем свадебный поезд направлялся к дому ее родителей.

Здесь происходило их прощание с дочерью. Мать благословляла ее и желала ей счастья. В дом жениха родители девушки ехать не имели права. Так было у всех туркмен (и у азербайджанцев), кроме салыров и атинцев Дарганата; у последних родители невесты (или ее мать) присутствовали на свадебном тое, хотя и избегали встречаться с женихом. У салыров родители и родственники невесты, сопровождавшие свадебный поезд, в тот же день возвращались обратно.

По дороге в селение будущего мужа свадебный поезд подвергался нападению молодежи из селения невесты. В Южной Туркмении и у мургабских текинцев свадебный караван забрасывали камнями, палками и т. п., иногда преграждали ему путь и не пропускали до тех пор, пока ведущий караван «кеджебе иден» не откупался. Всех встречных в пути одаривали небольшими платочками или кусками материи, чтобы обезвредить злые силы, могущие повредить будущему молодым. Если брачующиеся были из одного аула, то перевоз невесты происходил не по прямой ближайшей дороге, а в объезд всего селения.

У сарыков свадебный поезд, отправлявшийся за невестой ночью, состоял из нескольких всадников (атбашчи), среди которых был сам жених. Встречаемые враждебно в селении невесты, всадники останавливались на некотором расстоянии от дома ее родителей, а жених с двумя товарищами подъезжал к юрте, из которой родственницы выводили невесту и сажали ее на лошадь позади жениха, причем всячески издевались над ним, щипали его и дергали за одежду. Жених должен был бить их ногами и кнутом. При выезде из селения нападение становилось еще более ожесточенным. Жених с невестой, окруженные его товарищами, скакали, провожаемые летящими вслед за ними палками, камнями, тухлыми яйцами.

Как и у большинства других народов, момент прибытия свадебного поезда в дом или селение жениха у туркмен был обставлен очень

¹⁵ У иомутов Хорезма, по сообщению одного информатора, вначале борются между собой две енге.

торжественно и сопровождался определенными магическими церемониями.

У текинцев, гокленов, хорезмских иомутов и некоторых других о приближении поезда невесты к селению оповещали всадники на лучших конях (онбашчы, бушдулыкчы), получавшие за это вознаграждение от родителей жениха.

При подъезде к дому, а иногда и при въезде в селение навесту обсыпали сладостями, печеньем, а у богатых — и монетами. У туркмен-ата это делал сам жених, поджидавший на крыше прибытие свадебного поезда. В большинстве случаев для невесты готовили отдельную юрту или комнату в доме. У сарыков и огурджали свадебная юрта ставилась в отдалении от дома жениха, на окраине селения; гоклены помещали невесту в доме близкого родственника¹⁶.

Хорезмские иомуты, баяты, хыдыр-эли, крачли и многие другие приамударьинские туркмены перед домом жениха раскладывали костер, вокруг которого трижды обводили свадебного верблюда с невестой.

Чаще всего невесту в дом вводила енге, причем за право войти в дом салыры, мургабские текинцы и западные иомуты требовали выкуп (гапалым, ишик тутмак и т. д.); у иомутов (так же, как и у азербайджанцев) девушку встречала мать жениха и прежде чем ввести ее в дом, обсыпала мукой (у западных иомутов) или мазала свадебному верблуду мукой лоб (у хорезмских).

У чоудоров невесту ожидал старший брат жениха, который переносил ее на руках в специальное помещение.

У многих туркменских племен средней Аму-Дарьи невесту встречал и уносил в дом сам жених. Однако именно указанный случай и был одним из моментов, отличавших свадебные обычаи этих групп от общетуркменских.

В день свадьбы жених у всех туркмен за небольшим исключением (кроме упомянутых выше племен, еще у карайылгынылы — группы хорезмских иомутов, живших в Мангытском бекстве) не имел права быть дома, а находился в другом месте со своими друзьями, среди которых один или двое считались его ближайшими товарищами¹⁷.

Приехавшие со свадебным поездом присоединялись к гостям, уже находившимся в доме родителей жениха, и включались в пиршество, сопровождавшееся обычно спортивными состязаниями и играми. К вечеру приглашались певцы и музыканты. Когда темнело, приступали к мусульманскому оформлению брака (шика), на котором ни жених, ни невеста, как правило, не присутствовали. Каждая из сторон выделяла одного или двух представителей (векил, гува, шадат), роль которых выполняли обычно почтенные старики. У туркмен-ата эти векиллер затем и в дальнейшей жизни супругов сохраняли с ними хорошие отношения, а в случаях ссор были посредниками и миротворцами.

Обряд бракосочетания, обставлявшийся различными магическими действиями, совершал молла в доме родителей жениха. Исключение составляли опять-таки некоторые приамударьинские туркмены (хыдыр-эли, баят и др.), у которых, как уже говорилось, обряд заключения брака, так же как и главное празднество, происходил в доме родителей невесты. Туркмены-нохурли мусульманский обряд бракосочетания производили

¹⁶ И. Ибрагимов. Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах. Военный сборник, т. 98. СПб., 1874, стр. 147. Ибрагимов пишет об этом без указания, у каких хорезмских туркмен существовал такой порядок, однако есть основания предполагать, что у хорезмских гокленов.

¹⁷ У прикаспийских иомутов и огурджали самый близкий друг жениха назывался мысайиб (см. указ. работы А. Джикиева и Ш. Аннаклычева), у азербайджанцев и турок — солдыш, сагдыш, солдыч (В. А. Г о р д л е в с к и й. Османская свадьба, у огузов, по Деде-Коркуду, — «заместитель» (стр. 38—39).

в доме жениха или в мечети еще до привоза невесты. Так же совершался обряд бракосочетания у азербайджанцев, а ранее — у туркмен-сельджуков.

После обряда бракосочетания юноша в сопровождении друзей шел в дом, где была его невеста, и там происходило первое знакомство молодых.

У хорезмских иомутов, прежде чем войти к новобрачной, юноша со своими товарищами три раза обегал вокруг юрты, каждый раз наступая ногой на порог.

Знакомила молодых енге или пожилая женщина из родственниц жениха (хорезмские иомуты, туркмены Турции), затем их оставляли одних. У некоторых туркмен (текинцы, салыры, сарыки и др.) жених нагайкой разгонял всех присутствующих и заставлял молодую снять с него сапоги и развязать кушак. У западных иомутов и огурджали после первого свидания новобрачных (часа через два) устраивали чаепитие, на котором присутствовали друзья жениха, подвергавшие молодую испытаниям в находчивости и ловкости.

На рассвете молодой покидал свою жену и уходил к товарищам, оставляя возле брачного ложа сласти, печенье и мелкие монеты, которые подбирали утром женщины, пришедшие удостовериться в целомудрии новобрачной.

На следующий (иомуты, огурджали, ата, арабачи, ставропольские туркмены) или на третий день после свадьбы (сарыки, салыры, текинцы, мурчали, гоклены) устраивалась смена девичьего головного убора на женский (баш салмак, тайха алмак орома оромак, эски салмак и т. д.)¹⁸.

Этот обряд, так же как и увоз невесты из дома ее родителей, сопровождался борьбой (далаш) между девушками — подружками невесты и женщинами, приехавшими со свадебным поездом. У сарыков в нем участвовала и мать молодого супруга, которой доставалось больше всех.

Туркмены-крачли меняли девичью одежду молодой на женскую через 10—15 дней; у чоудоров, как и у некоторых туркменских племен средней Аму-Дарьи, смена девичьего головного убора на женский происходила после рождения первого ребенка, однако чоудоры на второй день после свадьбы изменяли новобрачной прическу на женскую, заплетая вместо четырех девичьих две косы и опуская их на спину. У нохурли переодевание молодой проводилось еще в доме ее родителей в день свадьбы.

В тот же день перед сменой головного убора иомуты, огурджали и сарыки переводили молодую в дом родителей мужа. У салыров изоляция гелин (невеста, молодая женщина) длилась дольше. Молодожены в течение шести месяцев жили в отгороженной части дома, куда имели доступ одни лишь женщины.

Заключительным этапом свадебного цикла был обычай возвращения молодой женщины в дом своих родителей — вскоре после свадьбы (кайтарма, чувалгыз). Этот обычай, встречающийся у многих народов и свидетельствующий о былой матриликальности брака, о борьбе порядков патриархальных с матриархальными¹⁹, нигде в Средней Азии не проявлялся так ярко, как у туркмен. У подавляющего большинства туркменских племен этот обычай отличался от соответствующего обычая их среднеазиатских соседей и заключался в том, что молодая, сопровождаемая небольшой группой женщин — родственниц мужа во главе со свекровью или енге, через несколько дней (3—10 у иомутов, сарыков, огурджали, нохурли и др.) или через месяц и более (у теке, мурчали, ата, чоудоров и др.) отправлялась к своим родителям, которые устраивали в честь их прибытия пир-

¹⁸ У хорезмских иомутов этот день называли «эрге той».

¹⁹ Обычай «возвращения домой» детально исследован М. О. Косвеном на материале народов Кавказа (М. О. Косвен. Обычай возвращения домой (из истории брака). КСИЭ, вып. I, 1946).

шество. Родственницы мужа после этого возвращались домой, а молодая оставалась на некоторое время у родителей. В период пребывания в отцовском доме молодая женщина готовила себе приданое: ткала ковры, ткани для одежды, шила одеяла и т. д. Срок пребывания ее у родителей у одних туркмен исчислялся одной-двумя неделями — одним месяцем (чоудоры, сарыки, нохурли, гоклены), у других — одним-двумя годами и более (иомуты, ата, теке, мурчали). Иногда ее пребывание здесь затягивалось на долгие годы (иомуты)²⁰, что объяснялось обычно необходимостью заставить сторону жениха выплатить оставшуюся часть калыма. В пользу более древнего происхождения этого обычая свидетельствует тот факт, что такой порядок у указанных племен соблюдался даже в том случае, если калым был выплачен до свадьбы полностью; он существовал также у гокленов и чоудоров, у которых по обычаю свадебное торжество и переезд невесты в дом жениха проводились после уплаты всего калыма.

Еще одно обстоятельство, свидетельствующее против объяснения обычая кайтармы связью его с калымом, заключалось в том, что, если в результате тайных посещений мужем своей жены в период пребывания ее в доме родителей (считалось, что во время кайтармы супруги не имеют права открыто встречаться) молодая беременела, она возвращалась в дом мужа и выплата оставшейся части калыма могла быть прекращена.

По нашему мнению, кайтарма является пережитком той стадии в развитии семьи, для которой был характерен переход от матриликальной формы брачного поселения к патрилокальной. Молодая, возвращаясь на время в родительский дом, как бы снова на известный срок восстанавливала матриликальность поселения²¹. Все позднейшие публикации по туркменской свадебной обрядности подтверждают правильность нашего мнения.

Через положенное время из дома мужа посылали кого-нибудь с просьбой вернуть молодую. В том случае, если родители задерживали свою дочь без основания, у хорезмских иомутов молодой муж с друзьями ночью тайно приходил и разрушал тамдыр, принадлежавший родителям жены. После этого молодая обязана была возвратиться в дом мужа.

У салыров, гокленов и многих туркмен средней Аму-Дарьи — арабачей, баятов и т. д. — не было кайтармы в ее классической форме, однако у всех этих племен, кроме салыров, существовал обычай приглашения родителями жены молодых (или молодой). У арабачей, например, через два-три месяца после свадьбы родители молодой приглашали свою дочь с родителями ее мужа (чакылык) и устраивали пиршество, после которого молодая оставалась у них несколько дней; зять в этом пиршестве не участвовал, хотя и приходил в этот день, но несколько позднее, с товарищами по приглашению родителей своей жены. Аналогичный обычай (корек чагырмак) существовал у гокленов. Через одну-две недели после свадьбы молодая женщина в сопровождении свекра, свекрови и некоторых других родственников мужа приезжала к своим родителям, устраивавшим в честь их приезда празднество. Еще раньше в тот же день приглашался и зять, который появлялся в доме родителей жены с товарищами. Молодая гостила у родителей еще одну-две недели, а затем окончательно возвращалась в дом мужа.

У приамударьинских туркмен родители приглашали свою дочь с мужем на второй или третий день после свадьбы, устраивали им угощение и одаривали подарками. Проведя день в гостях, молодые возвращались обратно. В форме, близкой к вышеописанной, этот обычай наблюдался у таджиков²².

²⁰ Д. Г. Иомудская - Бурунова. Женщина в старой Туркмении. М.—Ташкент, 1931, стр. 29.

²¹ Г. П. Васильева. Указ. соч., стр. 200—201.

²² Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков, стр. 133—134; он же. Некоторые брачные церемонии. . . , стр. 4—5.

Таким образом, брачные обряды туркмен, в основном единые для всех племен за небольшим исключением, отличаются от подобных обычаев других среднеазиатских народов. Вместе с тем, как мы пытались показать, они обнаруживают определенную связь со свадебной обрядностью этнически близких им на западе народов — азербайджанцев, туркмен Турции и значительной части турок²³, в этногенезе которых, так же как и туркмен, приняли участие огузы.

При чрезвычайной фрагментарности сведений о брачных обычаях огузов и туркменских племен средневековья (по доступным нам источникам)²⁴ можно заметить, что их свадебный обряд обнаруживает черты довольно развитых патриархальных форм брака, а брачный пир в доме родителей жениха является центральным актом свадьбы²⁵.

Интересно и то обстоятельство, что наибольшее сходство со свадебными порядками азербайджанцев, туркмен Турции и турок-османцев обнаруживается именно у тех туркмен, в формировании которых огузский этнический компонент сыграл наибольшую роль (текинцы, иомуты, чоудоры и т. д.). Наряду с этим некоторая общность в свадебных обрядах туркмен-нохурцев, гокленов и огурджали с азербайджанцами и турками является общностью другого порядка — переднеазиатского.

Как уже упоминалось, из общетуркменского плана выделялись те туркменские группы средней Аму-Дарьи, которые, видимо, были связаны происхождением с местным аборигенным населением и которые население центральных районов Туркменистана называло татами. В значительной части их свадебных обычаев наблюдалось сходство со свадебной обрядностью таджиков и узбеков соседних районов Узбекистана. Оно заключалось в том, что в их свадебном цикле сохранялось гораздо больше элементов матриликальности. В частности, свадебный обряд баятов и хыдыр-эли обнаруживает много общего с таковым у таджиков Самарканда и его окрестностей²⁶. У этих групп, так же как у иомутов Хорезма и небольших туркменских племен Южной и Западной Туркмении — нохурли, огурджали и других, сохранились многие магические обряды, связывающие их с древним дотуркменским ираноязычным населением этих мест, и больше архаических моментов, нежели у крупных туркменских племен центральной и южной части страны, что свидетельствует о большой роли местных древних элементов в их этногенезе.

Наконец, следует особо выделить сарыков, брачные порядки которых весьма своеобразны. Они имеют некоторые аналогии со свадебными обычаями народов дештикыпчакского происхождения — казахов²⁷ и полукочевых узбеков. Увоз невесты самим женихом напоминает описанный Д. Логофетом свадебный обряд у салыров²⁸ и туркменское свадебное со-

²³ Наиболее архаичные формы брака у турок-османцев описал В. А. Гордлевский по сведениям, полученным от жителя района Сиваса: здесь, несмотря на то, что центральным являлся праздник перевоза невесты в дом жениха и начала семейной жизни, бракосочетание совершается дважды: первый раз во время стовора в доме родителей невесты, второй — в доме родителей жениха после привоза невесты. В. А. Гордлевский. Указ. соч.

²⁴ «Книга моего деда Коркута» — огузский героический эпос (перевод В. В. Бартольда). М.—Л., 1962; В. А. Гордлевский. Из комментариев к староосманскому переводу хроники малоазийских сельджуков, так называемой Хронике Ибн-биби. Собр., соч., т. II. М., 1961; Героглы. Ашгабад, 1958.

²⁵ При сравнительно большей архаичности брачных порядков огузов и туркмен-сельджуков, что вполне естественно, и определенных их особенностях, вытекающих из социальной среды действующих лиц, несомненно сходство со свадебными обрядами туркмен (например, привоз невесты в кеджебе, пиршество в доме жениха и заключение брака в эпосе «Кор оглы» и по «Хронике Ибн-биби» и т. д.).

²⁶ О. А. Сухарева. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии. Сб. Советская этнография, вып. III, 1940.

²⁷ Н. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I. Юридический быт. Ташкент, 1889, стр. 65—66.

стыжение (кок-бери) между женихом и невестой, характеристику которого составил А. Вамбери. Кстати, у сарыков до наших дней сохранилось под таким названием состязание, в котором обязательно участвует жених, устраиваемое после привоза невесты между двумя группами юношей²⁹.

Сходство некоторых элементов свадебного обряда сарыков с народами дештикыпчакского происхождения становится более понятным, если вспомнить легенду о происхождении этого племени, согласно которой матерью их предка Ялкамыша была дочь ногайского хана³⁰.

Итак, в свадебных обрядах туркмен можно выделить три этнических напластования, четко прослеживаемых и по другим элементам их культуры: древний доогузский пласт, особенно заметный у тех групп туркмен, на которых огузы не оказали значительного влияния, или тех, которые издавна жили в районах древней земледельческой культуры; собственно огузский и, наконец, более поздний тюркский — кыпчакский, ярче всего проявляющийся у сарыков.

Вместе с тем условия жизни, особенности политического и социального строя, несомненно, сыграли значительную роль в развитии патриархальных черт туркменской свадебной обрядности. У салыров — племени, возглавлявшем в позднем средневековье туркменский племенной союз, — более других развита патриархальность, а пережитки матриархата в брачных церемониях сохранились в меньшей степени, чем у остальных туркмен.

Вопрос о том, в чем же причина значительно большего развития патриархальности свадебной обрядности туркмен и их предков — огузов по сравнению с соседними народами, составляет предмет специального исследования.

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАССЕЛЕНИЯ ТУРКМЕН-ХАТАБ, МУКРЫ, КУРАМА И ОЛАМ

Я. Р. Винников

Этническая история туркменского народа исследована еще недостаточно. Отсутствие в литературе данных, с достаточной полнотой отражающих историю формирования и расселения отдельных составных частей этого народа, обусловило необходимость заняться накоплением этнографических материалов, характеризующих отдельные компоненты, вошедшие в состав туркменской народности.

Туркмены в конце XIX — начале XX в., как и в предшествующие многие столетия, делились на обособленные большие и малые по численности племена, каждое из которых в свою очередь расчленилось на множество

²⁸ Д. И. Логофет. На границах Средней Азии. Путевые очерки, кн. 1. СПб., 1909, стр. 212. Описание свадьбы, сделанное Логофетом в начале века, по его словам, в районе Серахса у салыров, не имеет ничего общего со свадебными обрядами этого племени, записанными А. Джикиевым, и буквально идентично увозу невесты у сарыков. Скорее всего Логофет дал нам описание одного из обрядов сарыкской свадьбы, по ошибке назвав ее салыкской.

²⁹ Такое состязание или часть его сохранились еще у ряда туркменских племен. Существовало оно также у казахов и некоторых групп узбеков. См. нашу работу: Этнографические данные о происхождении туркменского народа. СЭ, 1964, № 6, стр. 93.

³⁰ Г. П. Васильева. Указ. соч., стр. 88.